

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ (ТЕМА СЕМЬИ И СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ И СОЦИОЛОГИИ ДЕТСТВА)

Литература для подростков выделяется как составная часть детской литературы, специфика которой определяется возрастом, интересами, ценностными представлениями её читателей. Прослеживая формирование в русской литературе концепции детства [7, с.10-38], нельзя не отметить, что вопрос о существовании детской литературы не раз становился основой для развёрнутых дискуссий. Предметом острых обсуждений чаще всего являлись проблемы художественно-коммуникативных особенностей, тематики, соотношения нравственных, педагогических и эстетических функций, жанровых дефиниций литературы для детей. Так, например, в 70-е годы 20 века на страницах ныне прекратившего своё существование журнала "Детская литература" была развёрнута полемика, в ходе которой за детской литературой было признано право на "легитимность", специфику отображения мира в рамках особой формы общественного сознания. Одна из последних дискуссий нашего времени нашла отражение в "Литературной газете" за 2006 год. Литературоведы, писатели, педагоги, социологи с обоснованной тревогой ставят вопросы о причинах кризиса в современной детской литературе, об утрате связи между писателями и читателями-подростками. Показательны сами названия публикаций: "От потешки к порносайту" [15, с.7], "Не бедствие, а катастрофа" [4, с.7], "Кто спасёт красоту?" [13, с.7] и т.п. Кроме причин коммерческого и социологического характера называется растерянность современных детских писателей перед новой реальностью жизни, улицы, которую подростки знают не хуже взрослых, перед теми проблемами, которые определяют "литературу страдания". Известный исследователь детской литературы И.Н. Арзамасцева отмечает, что литература для детей ослабила одну из своих важнейших функций - "намывать целебный слой культуры на повреждения детского мира, нанесённые цивилизацией взрослых... Теперь писатели уже не могут сочинять для детей по-старому - на мелкие темы и словами, пахнущими типографской краской. Программа задана событиями национального, мирового и вместе личного, семейного значения" [1, с.7]. Детская литература отразила и такую характерную черту времени, как стирание граней между взрослым и детским миром, быстрое взросление подростков. Постепенно исчезают традиционные темы и жанры, воспитавшие не одно поколение читателей: школьная повесть, реалистический рассказ, рассказы о войне. Изменяется и сам облик современного читателя, для которого литература утратила своё сакральное значение, а качество чтения определяется как визуальное и "экстенсивное" (Р. Энгельсинг): однократное, "с простодушной свободой, с какой в текст инвестируют личные эмоции" [2, с.270].

В современную литературу для детей вошли приметы сегодняшнего дня: реальность катастроф, криминала, рыночных отношений, в основе многих произведений лежит нарочитая остросюжетность. Тем важнее отметить по-настоящему талантливые произведения, в которых художественные и нравственные ценности находятся в достойном равновесии. Это особенно заметно в традиционных для детской литературы темах семьи, школы, где подросток предстаёт в естественном для него социуме.

Вечный конфликт "отцов и детей" в его современном решении показывает Фазиль Искандер в рассказе "Авторитет" [5]. Небольшой рассказ о том, как отец, "широко известный в узких кругах" Москвы физик, в свои 65 лет пытается наладить душевный контакт со своим поздним, двенадцатилетним сыном, обращен к читателям не только юного возраста. Двое старших выросли успешными учеными-биологами, но только младший ощущается отцом как представитель какого-то нового поколения с непонятными ценностями, и в круг этих ценностей чтение ("самый уютный, самый удобный способ общения с мыслителем и художником", по мнению отца)

не входит. Георгий Андреевич пытается сам читать вслух сыну "Выстрел", "Хаджи-Мурата", но кроме вежливого внимания не встречает интереса ни к сюжету, ни к музыке слова. Как это часто показывается в литературе (вспомним, например, чеховского прокурора-отца, внушающего сыну отвращение к курению), отец идёт на педагогическую хитрость: состязание в бадминтон ведётся при условии, что проигравший будет обязательно читать. За внешне простым сюжетом спортивного соревнования героев таких разных возрастных категорий проявляется драматичный сюжет самоутверждения отца. Главная проблема не в чтении, рассказ - о необходимости и трудности не в науке, не в обществе, а в собственной семье завоёвывать и постоянно подтверждать свой авторитет старшего. Без этого отцовского авторитета невозможно воспитывать подростка. В бадминтонном поединке писателем психологически точно переданы отцовская нежность к сыну, яростное желание не сдаваться молодой и самоуверенной силе, мужское самолюбие и интуитивный педагогический такт любящего умного человека. В маленьком рассказе реалистически создаётся идеальный образ отца.

Повесть Ф. Искандера "Школьный вальс, или энергия стыда" [6] написана в лучших традициях автобиографической повести для подростков. Это одна из немногих книг о детстве, где исторический взгляд на время неотделим от истории семьи, драматизм времени 30-х гг. соотносён с драмой семьи. Биографию писателя можно изучать по его произведениям, но при этом не существует разделения на жизнь общественную и частную. Каждое мгновение жизни простодушного ребёнка в ироническом повествовании его взрослого двойника предстаёт как нераздельность быта и бытия. Взгляд на мир "глазами ребёнка" обнаруживает абсурдность реальной жизни, в которой для абхазского мальчика особенно важны традиции семьи, рода, авторитет старших, особенно - бабушки и дедушки. Из множества заметок жизни мальчик усваивает этические правила щедрости ("Тот, кто был богатым и обнищал, ещё тридцать лет чувствует себя богатым. Тот, кто был нищим и разбогател, ещё тридцать лет чувствует себя нищим"), верности своей нации ("лучше быть падшей женщиной, чем предать свою нацию"), выносливости, стыда... Нравственные максимы часто сформулированы словами старших членов семьи - дяди, матери, тетушки. Один из самых важных в нравственном плане эпизодов повести - рассказ о чтении любимой учительницей литературы Александрой Ивановной пушкинской "Капитанской дочки": "Если в области духа есть чувство семейного уюта, то я его впервые испытал во время чтения этой книжки, когда в классе стояла мурлыкающая от удовольствия тишина" [6, с.59]. Для главного героя "торжество преданности" в образах Савельича, Петруши Гринёва, Маши Мирановой, её родителей становится уроком на всю жизнь, как и суровое отцовское наказание за предательство сестры. Жизненные принципы юного героя формируются в результате столкновений объективной нравственной нормы и субъективного детского мировосприятия. Метафорический способ выражения мысли в сочетании со свойственным прозе Ф. Искандера юмором делает этические выводы особенно запоминающимися: "волосатая гусеница маленькой зависти", "улыбка - струение света", "пир преданности", "каприз - хромой призрак власти" и другие.

Особенный интерес в современной литературе вызывает серия "Детский проект" Л. Улицкой, чьё творчество отличает мифологическое художественное сознание, как, например, в повести "Медея и её дети", где семейная хроника Медеи Синопли рассматривается в свете древнегреческого мифа о Медее, Ясоне, аргонавтах и Золотом руне. Умное и талантливое воплощение этот проект нашёл в адресованной подросткам книге В. Тименчик "Семья у нас и у других" [14].

В лучших традициях детской познавательной литературы информация о том, как устроены семьи у разных народов, беллетризирована, встроена в сюжет знакомства и дружбы двух мальчиков, которые совершенно не похожи между собой. Не похожи их национальные традиции, ментальные особенности семей. Даут - "симпатичный мальчик кавказской внешности" и русский Кирилл по-разному представляют правила поведения в семье, нормы отношений в коллективе сверстников, да и многое другое. В московской жизни большой семьи Даута сохраняются патриархальные обычаи, будь то отношения с сестрой, со старшими, с отцом. Юный абхазец естественно осознаёт себя представителем своего народа, культуры, рода, семьи. А семья Кирилла - он и мать, ученый-антрополог. Европейский стиль отношений позволяет собирать за

одним столом новую семью отца, членов бывшей семьи и маминого бой-френда, "длинного парня с ямайскими дредами и с серьгой в ухе".

Проводя идею терпимости и толерантности, писательница показывает, как расширяет кругозор героев возможность сравнивать и понимать другой, отличный от привычного образ жизни. Казалось бы, как рассказать подросткам о семьях гомосексуалистов, о полигамных семьях, об инцесте, о браках по договору? В. Тименчик делает это без осуждения и права на "истину в последней инстанции". С объяснением естественности исторических обстоятельств, определяющих состав семьи, психологию семейных отношений. Автор старается быть объективным. Ну, может быть, почудится лёгкая зависть в словах Кирилла, сказанных новому другу: "У нас же нет семейного совета, как у вас. И нет у нас такого дедушки, которого бы все боялись и уважали" [14, с.28-29]. Можно сказать, что эта книга представляет собой своеобразную энциклопедию семьи, доступную для понимания подростков.

Заметное место в современной литературе занимают книги о детстве Б. Минаева [10, 11].

Автор этих книг - известный журналист и писатель, лауреат Национальной детской литературной премии "Заветная мечта" сезона 2005-2006 гг. Обе книги, как определил сам автор, - "из фрагментов, из осколков существования мальчика, который рос в 70-е годы". По жанру эти книги можно определить как автобиографическую дилогию лиричных и психологически точных рассказов о детстве и отрочестве обыкновенного московского мальчика из обыкновенной интеллигентной семьи. Автор как-то проговорился, что "Гений дзюдо" - книга о родителях, о любви родителей к ребёнку, что вообще-то она для взрослых, для родителей. Впрочем, все хорошие детские книги о подростках - и для взрослых, потому что учат их понимать своих детей.

Лёва растёт в семье, которые принято называть благополучными. Первая глава "Детства Лёвы" начинается тёплой волной воспоминания о маме: "В детстве меня называли Мамин Хвостик.... Я действительно мог ходить с мамой куда угодно, стоять в любой очереди, скучать в парикмахерской и химчистке, лишь бы быть рядом с ней. Очень мне нравилась моя мама". А кончается эта вводная глава формулой семейного рая: "Тут приходил папа. ... Вот так мы и жили" [10, с.7]. Мир детства показан в восприятии самого ребёнка с подчёркнутым простодушием его понимания. Б. Минаев точно выстраивает систему героев, потому что важен не только взгляд Лёвы на мир, но и реакция других на события или поступки главного героя. Эмоциональный центр семьи - именно мама. Она смешлива и обидчива, иногда в разговоре с сыном вдруг может смутиться или покраснеть (это очень часто происходит при общении "вдруг", как знак душевной тонкости, при каких-то очень личностных воспоминаниях, и тема этих воспоминаний дальше не развивается). Марина обаятельна, молода, чувствует, что любима и любит сама, поэтому так тепло в доме, где любят принимать гостей. Многие детали проявляют в характере Марины глубинные качества сильной, благородной и самоотверженной натуры, хотя обнаруживается это в ситуациях, лишенных сюжетной остроты.

"Гения дзюдо" Б. Минаев написал как продолжение рассказов о Лева, который взрослеет, становится неуклюжим и колючим подростком, лечится от заикания, начинает писать, влюбляется... Милый и уютный домашний мир сюжетно не соотносится с назревающими историческими изменениями в "советском ретро", но постепенно меняется сам герой, и здесь более сложными становятся отношения с самыми близкими людьми. В жизни подростка всё большую роль играет отец. Хоть писатель и признавался, что эту книгу он посвятил матери, но очень заметно, как старается он понять своего отца, который был человеком другой эпохи (война, коммуналки, тяжёлая жизнь), которому трудно было разделить взгляды своего растущего в стабильном, надёжном мире бунтующего сына.

Несмотря на разность литературного материала, жизненного и исторического опыта, видится несомненно общее в "отцах" Ф. Искандера и Б. Минаева: внешне неяркие, подчёркнуто "негероические", немифологизированные по способу художественного изображения, они неотделимы от общей истории, социально типичны. Они немногословны, их внутренним стержнем является мужская преданность работе, у обоих нет того, что Искандером названо "поступательным движением, древней поэзией улучшения гнезда" [6, с.72]. Общение с сыновьями у

отцов довольно ограниченное. Тем сильнее впечатление от "воспитательных вспышек", которые проявляются в конфликтных ситуациях, причём, не только в отношениях с сыновьями, но и с другими взрослыми.

Популярны в детском чтении повести Владислава Крапивина. Почти все главные герои его произведений: "Мальчик со шпагой", "Журавлёнок молнии", "Трое с площади Карронад", "Застава на Якорном поле" и др. - мальчики. Писатель не боится ставить перед своими героями недетские проблемы, в том числе, и проблемы семейных отношений. В "Мальчике со шпагой" показан контраст между разными семьями: слишком непохожи благополучные Лесниковы, соседи Грачевы, где дебошир отец ремнём воспитывает Стасика при общем равнодушии окружающих (и матери ребёнка, и учительницы, которая "деликатного папашу" хочет рекомендовать в родительский комитет), непростая семья главного героя Серёжи, где мачеха, хоть и хорошая, но всё равно не мама. Семьи в повестях Крапивина заставляют задуматься о том, как важно родителям и воспитателям ребёнка быть неравнодушными, видеть в детях прежде всего людей, а не объект для воспитания, уметь понимать правоту ребёнка и доверять ей.

Семья, родители в книгах Крапивина - всегда вопрос первостепенной важности, об этом говорит и название повести "Бабушкин внук и его братья" [8]. Написанная в 1996 г., книга очень современна. Её герой - шестиклассник Алька Иволгин живет вроде бы в очень уютном и защищенном мире: это прежде всего уют старого столетнего деревянного дома ("родового гнезда"), в котором бабушка хранит как семейные реликвии старинные часы, фамильный сервиз, рисунок в рамочке, рассказы о прадедах. В каком-то смысле, бабушка - хранительница исторической памяти в семье, и в этом чувстве ей ближе всего внук. Как и семейное предание о домовёнке Квасе, бабушка связывает три разных поколения в семье. Роль бабушки трудно переоценить, именно в ней заключен и сконцентрирован дух достоинства семьи, дух сопротивления конкретному и бытовому злу. Старый дом сожгли те, кому он мешал для современной застройки, славное мохнатое существо Квася исчез неизвестно куда, вплотную приблизились проблемы современного мира, где есть школьная "дедовщина", где воруют и обманывают, где убивают и ненавидят. Этот мир Алька называет словом "ОЗМ" - озверелый мир. "Господа взрослые, что же вы творите на нашей земле! Может, мы, дети, лишние на ней?" Алька так формулирует определение бандитов: "Бандиты - они те, кого с самого рожденья никто не любил!" [8, с.21]. Способность любить, отвечать за друзей и маленьких, стыдиться, размышлять, а не рассуждать, способность на поступок, на собственное мнение у Альки формируется в семье.

Основной конфликт произведений писателя - противостояние мечты и обыденности, мещанской "житейской мудрости". Поэтому так много острых углов в отношениях с отцом: это и политика, и отношение к бабушке, к школе, к одежде и многому другому. Но на самом деле - потребность в чуткости к своему рефлексированному самосознанию. Размышления о природе человеческого равнодушия, о разнообразных проявлениях зла переплетаются с проблемами собственного выбора, самооценки. В конце повести обиженный герой, бескомпромиссно ушедший от родных по Дороге (философско-аллегорический образ, характерный для более поздних произведений писателя), бегом возвращается назад, потому что "понял и ощутил *отцовский страх*, который был спрятан за этакой "мужской" сухостью и насмешливым тоном". В произведениях Крапивина, как правило, в конце, есть ключевая фраза - символ. Здесь - это слова Альки: "...может быть, вместе мы найдем нужное слово". Нельзя не заметить, что последние книги В. Крапивина тяготеют к философскому осмыслению жизни людей самого уязвимого, подросткового возраста.

Елена Габова в названии своей повести "И отец мой, и мама моя" тоже сразу "обозначает" семейную тему [3]. Точнее, это цикл повестей: "Тайкина тайна". "Беличья шкурка", "Только часочек у моря синего". Эти сочинения - умные и тактичные книги о взрослении девочки, о первой любви с её очень взрослыми проблемами, как, например, в отношениях восемнадцатилетней Тани и тридцатилетнего Кирилла, так и не доросшего до семьи. Но ведь и Таня изображена, по сути, вне семьи, такова сдержанная культура семейных отношений. Главными советчицами в девичьей любви, которая перерождается в женскую, с традиционной готовностью винить

себя, прощать невнимание и холодность к себе, смиренно терпеть даже отсутствие надежды, становятся книжные героини - Татьяна Ларина, госпожа Бовари.

Е. Габова показывает конфликты семьи глазами взрослеющих девочек. Генотип женского восприятия мира, семьи, осознание себя в них выражен очень явно. Писательница намеренно ничего не сглаживает и показывает семьи такими, как их не очень-то и принято предьявлять юным читателям. Внутренняя речь героинь отражает процесс одновременного познания себя и мира, духовного роста личности. Природа конфликта в произведениях И. Габовой - нравственная, где стремление к идеалу входит в противоречие с настоящим положением вещей. Писательница, по человеческой и художественной честности, боится счастливых концов, но свет надежды всегда остаётся. Он, этот свет, в нравственной чистоте её героинь, в их способности понимать близких людей и брать ответственность на себя.

Взрослая суровость всё чаще звучит в книгах о семье и ребёнке в ней. А. Лиханов об одном из последних своих произведений скажет с болью: "Этот роман - о странном и жестоком слиянии взрослости и детства, когда детская судьба не останавливает взрослых прихотей, насилия и разврата... Любовь бабушки, дочери и внуки, даже самая благоразумная, - а может быть, именно потому - не выдерживает силового давления. И сила эта - будь они прокляты, деньги и власть..." [9, с.5].

Есть, и немало в современной литературе честных и талантливых книг о проблемах подростков в наше время. Но есть и проблема рецептивного характера: работы читателя, требующей сопереживания, сегодняшние подростки стараются избегать [12]. Поэтому актуальными остаются вопросы не столько о проблематике детской подростковой литературы, сколько о тех её героях, с которыми читателю захочется идентифицировать себя, о эффективности коммуникативных возможностей языка и жанров художественной детской литературы.

Литература

1. Арзамасцева И. Мы не знаем, что имеем // Литературная газета. 2006. №4.
2. Венедиктова Т. К аполгии "наивного читателя" // Иностранная литература. 2008. №9.
3. Габова Е. И отец мой, и мама моя // Путеводная звезда. 2007. №11.
4. Елькина М. Не бедствие, а катастрофа // Литературная газета. 2006. №15.
5. Искандер Ф. Авторитет // Новый мир. 1996. № 11.
6. Искандер Ф. Школьный вальс, или энергия стыда // Путеводная звезда: Школьное чтение. 2007.
7. Ковалёва Т.В. Русская поэзия для детей: От Лаврентия Зизания до Ивана Бунина. Орёл, 2005.
8. Крапивин В. Бабушкин внук и его братья // Путеводная звезда. 2001. №4.
9. Лиханов А. Сломанная кукла // Путеводная звезда. 2002. №2.
10. Минаев Б.Д. Детство Лёвы: повесть в рассказах. М., 2008;
11. Минаев Б.Д. Гений дзюдо. М., 2006.
12. Мурашова Е.В. Современный подросток: читать или не читать? // Молодёжь. Чтение. Успех: сборник материалов научно-практической конференции. М., 2008.
13. Сабилло И. Кто спасёт красоту? // Литературная газета. 2006. №20.
14. Тименчик Вера. Семья у нас и у других. М., 2006.
15. Шевцова Н. От потешки к порносайту // Литературная газета. 2006. №13.